

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ДОЗОРОВ 80-х ГОДОВ XVI в.:
ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ПИСЦОВ

Статья посвящена изучению источников дозорных книг Нижегородского уезда В. Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова (1587/1588 г.) и методов работы писцов. Анализ показал, что «старые книги» в тексте — это «приправочные» книги Петра Бурунова (1577/1578 г.). Другим источником описания являлись «скаска» крестьян. Особенности их использования писцами предопределили наличие в тексте различных хронологических слоев информации, как ретроспективной, так и относящейся ко второй половине 1580-х годов. Исследование свидетельствует о том, что говорить о подворно-вытном характере данного описания нет оснований.

Ключевые слова: дозорные книги, «скаска», «пашня паханая», выть, крестьяне, Нижегородский уезд

А. Я. Дегтярев в книге «Русская деревня в XV—XVII веках. Очерки истории сельского расселения» характеризует источники нижегородских дозорных книг Василия Федоровича Борисова и подьячего Третьяка Аврамова 1587/1588 г.¹ следующим образом: «Древнейший пласт итогов относится, по-видимому, к 1565 г., когда писцом Г. Заболотским была составлена переписная книга уезда. Второй пласт следует отнести к 1578 г. — времени составления приправочных книг П. Бурунова, а третий — к 1588 г.» [Дегтярев, с. 115—116]. Однако в итоговых записях по территориально-хозяйственным комплексам (село с тянувшими к нему деревнями или группа бортных деревень) сведения о прежнем их состоянии вводятся с помощью формул, содержащих упоминание «книг» лишь одного писца («а до черемиские войны по старым книгам Петра Бурунова 86-го году в селе Поповском з деревнями...»), «а до черемиские войны по Петровым книгам Бурунова в селе в Григорове...»². Дважды дозорные книги 1577/1578 г. названы «приправочными» («а в старых приправочных книгах Петра Бурунова те бортники не написаны»)³.

В источнике упомянуты также «старые писцовые книги» или просто «старые книги» — в контексте, не идентифицирующем писцов («а в старых книгах та деревня написана впусе», «да ис того же села выставлена после старых писцовых книг деревня Новая Синбилей на той ж земле», «а положено на выть по старым по писцовым книгам добрые земли по 10 чети, средние по 12 чети, худые по 16 четвертей»)⁴. Показательно, что при упоминании в тексте «нового письма» оно выступает в качестве антитезы именно дозору 1577/1578 г. («и прибыло по новому письму перед Петровыми книгами ис пуста в живущее», «а по Петровым книгам было в живущем то ж, что по новому письму»)⁵. В. Ф. Борисов и подьячий Третьяк Аврамов называют книги 1577/1578 г. «старыми» не только в сохранившемся списке дозорных книг. В оброчной грамоте на «бортной лес Ивашковской ухажей Отрепьева», выданной ими 5 марта 1588 г., также упомянуты «старые книги письма и дозору Петра Бурунова да подьячего Григорья Палицына лета 7086-го году»⁶. Использование сведений из писцовых книг 1560-х годов, если такое имело место в 1587/1588 г., было, по-видимому, опосредовано приправочными книгами дозора П. Бурунова.

Руководствуясь в работе приправочными списками, прочие необходимые для целей дозора сведения писцы получали от самого описываемого населения. Опираясь на такие свидетельства («скаска»), они фиксировали, например, нормы о количестве пашни на выть для земли разного качества: «А на выть положено четвертные пашни добрые земли по писцовым книгам и по бортничие и по крестьянской скаске по 10 чети, а средние по 12 чети». В отсутствие приправочных книг «скаска» становились одним из основных каналов поступления информации о повинностях, которую перепроверяли в ходе «сыска»: «А до черемиские войны по бортничей и по крестьянской скаске и по сыску того сельца и деревень бортники давали со своей земли медвяного оброку по десяти пуд на год, а деньгами за мед по 20 алтын за пуд. А посопнаго хлеба по сыску те бортники и до черемиские войны не плачивали»⁷.

Впрочем, «скаска» упомянуты в дозоре 1587/1588 г. и в ином контексте. Так, в записи о деревне Таможникова, тянувшей к селу Поповскому, читаем: «И всего в той деревне в живущем восемь дворов крестьянских, а людей в них то ж, да впусе шесть мест дворовых. Пашни паханые по их скаске выть, а по дозору пашни полторы выти. Да перелог у живущих дворов 3 выти с полувытью, да перелог ж лесом поросло семь вытей с полувытью в поле, а в дву потому ж». В описании относившейся к той же волости деревни Осташева также обнаруживаем сведения о «пашне паханой» «по скаске» и «по дозору»: «Пашни по их скаске выть и полчетверти выти, а по дозору пашни две выти с полувытью. Да перелог пашни пять вытей, да перелог ж лесом поросло большим семь вытей без четверти в поле,

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514; [Анпилогов, с. 7—76]. Публикация не всегда исправна, поэтому текст цитируется мной по рукописи.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 13 об.—14, 17 об.—18, 20, 28 об., 35—35 об., 39 об.—40, 51—51 об., 56 об.—57, 58 об.—59, 59—59 об., 62 об.—63, 64—64 об., 67—67 об., 70—70 об., 77 об., 78 об.—79.

³ Там же. Л. 80, 82 об.

⁴ Там же. Л. 41 об., 65 об., 86 об.—87.

⁵ Там же. Л. 51 об., 56 об., 58 об., 62 об.—63, 64, 78 об.

⁶ Нижегородский край в конце XVI — первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства): Сб. документов / Сост. Б. М. Пудалов. Нижний Новгород, 2009. № 2. С. 31.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 14 об., 82 об.

а в дву потому ж». Не совпадают данные «скаски» и итоги «дозора» и в деревне Лукина на реке Кудьме: «Пашни по их скаске 5 вытей и полчетверти выти. Да на льготе три дворы, а людей в них то ж, пашни выть без чети. А по дозору пашни пахотные 7 вытей с полувутью. Да впусе пашни перелогом 10 вытей, да перелогу ж лесом поросло 7 вытей в поле, а в дву потому ж». Еще большее расхождение выявлено в деревне Кожухова на реке Оке: «Пашни по их скаске 6 вытей с полувутью. Да на льготе 4 двора, людей в них то ж, пашни выть с четью, а по приказшикове грамоте Василья Юрлова [на льготе], а изо льготы выдет в 98-м году. А по дозору в деревне в Кожухове пашни пахонные и с теми льготчики 9 вытей. Да на льготе ж 10 человек, дворы ново ставят, а пашню роспахали в 96-м году, а по приказшикове грамоте Василья Юрлова на льготе, а изо льготы выдут в 99-м [году], а пашни их пол 3 выти». В селе Сосновском составители дозорных книг зафиксировали похожую ситуацию: «Пашни по их скаске 7 вытей и полчети выти, а по дозору пашни пахонные 12 вытей в поле, а в дву потому ж». Иными словами, в ходе проверки писцами сведений неких «сказок» в четырех нижегородских дворцовых территориально-хозяйственных комплексах выявлена обрабатываемая земля («пашня паханая»), которая не была положена в тягло⁸.

Процитированные фрагменты в тексте помещены после подворного описания соответствующего поселения, с обязательным указанием для каждого двора имени дворовладельца и тягла (в долях выти). Результаты произведенного пересчета совокупного тягла деревни или села, как правило, совпадают с итоговой цифрой «скаска» или отличаются от нее очень незначительно. Вне зависимости от того, представлялись ли «скаска» в письменной форме, или устно, с фиксацией писцами, кажется, что выражение «по их скаске» подразумевает свидетельство жителей данного населенного пункта. Однако в трех случаях «скаска» как источник упомянута только в связи с главным поселением данного дворцового территориально-хозяйственного комплекса — село Сосновское, деревни Кожухова («бортники кожуховские») и Лукина («Лукинская соха»), но не встречается в описаниях остальных деревень. Предположению, что «скаска» подавалась мирскими выборными, одна от всей волостной общины, на первый взгляд, противоречит отсутствие данной лексемы в описании села Поповское, хотя в записях по двум деревням той же волости (Таможникова и Осташева) она есть. Но ретроспективное картографирование показало, что рассматриваемый дворцовый комплекс охватывал весьма значительную территорию, которая как бы вытянута в почти строго меридиональном направлении. По-видимому, этим обстоятельством и обусловлена подача одной крестьянской «скаска» в деревне Осташева, в северной части Поповской волости, а другой — в деревне Таможникова, на юге. Следовательно, высказанная выше гипотеза имеет право на существование.

В описаниях еще ряда поселений фактическое число вытей «пашни паханой» фиксируется не как результат произведенного писцами «дозора», а по итогам «сметы». В наказах первой четверти XVII в. понятия «дозор» и «смета» используются для обозначения действий, хотя и взаимосвязанных, но все же различных: «И тех земель самим им дозирати ж и сметити живущее и пустое»⁹. В дозоре 1587/1588 г. обе лексемы употребляются в тождественном контексте и не обусловлены какими-то процедурными различиями. Так, в селе Сосновском записано «по дозору пашни пахонные 12 вытей в поле, а в дву потому ж», а в тянувших к нему деревнях писцы отмечают «пашни пахонные по смете 4 выти да перелогом пашни 13 вытей с четвертью в поле, а в дву потому ж» (деревня Созоново) и «пашни пахонные по смете во всей деревне пол 3 выти, а впусе перелогу 3 выти без четверти в поле, а в дву потому ж» (деревня Макасова). В итогах же по волости вновь упомянут «дозор» («пашни пахонные добрые земли по дозору 18 вытей с полувутью»). То же наблюдаем и в описании деревень «бортников кожуховских»: в записях о тягле деревень Кожухова и Пападына использована лексема «дозор», деревни Избылец — «смета»¹⁰.

Следует подчеркнуть, что количество вытей «пашни паханой» по «дозору» или по «смете» всегда больше итоговых данных из «скаска» или результата нашего вычисления совокупного деревенского тягла по подворным описаниям. При обнаружении «пашни паханой», не учтенной в «скаска», дозорщики накладывали на всю деревню дополнительные выти (в соответствии с нормами для земли разного качества). Однако исправлений в подворные описания они не вносили, что свидетельствует об отсутствии у них специального фискального интереса к этим цифрам. Показательно, что в ходе описания 1620-х годов нижегородские писцы использовали из приправочных книг 1587/1588 г. данные «дозора» или «сметы», но не подворные описаний и «скаска».

С методической точки зрения это означает, что мы имеем дело с двумя параллельными рядами данных, различающихся не только по происхождению, но, возможно, и хронологически. Определенно существует вероятность того, что «скаска» содержат сведения последней по времени — но отнюдь не обязательно недавней — мирской раскладки тягла. Соответственно, при выявлении такого рода «разночтений» в источнике не следует рассматривать их однозначно как свидетельство злонамеренной попытки крестьян утаить часть обрабатываемой земли. Таким образом, описание В. Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова следует изучать как многослойный источник — не только в отношении ретроспективной информации, восходящей к дозорным книгам 1577/1578 г., но и применительно ко второй половине 1580-х годов.

Коллизия, зафиксированная в двух других дворцовых комплексах, при описании которых писцы вообще не используют лексемы «скаска» и «дозор», а «смета» упомянута ими лишь однажды, также связана с землей, которая не включена в состав подворного вытного тягла. Речь идет о деревнях Матюшевской волости («бортники

⁸ Там же. Л. 3 об., 12–12 об., 21 об., 38, 54.

⁹ Акты писцового дела: Материалы по истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Том первый. Акты 1587–1627 гг. / Собр. и ред. С. Веселовский. М., 1913. № 96. С. 151.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 38–39 об., 54, 54 об., 56.

матюшевские»), методами исторического картографирования локализованной на правом берегу Оки, вблизи границ с Муромским и Арзамасским уездами, и селе Лекеево с деревнями — в нижнем течении реки Кудьмы, правого притока Волги. Так, после, очевидно, восходящего к «скаске» подворного описания деревни Панина, крупнейшей в Матюшевской волости, дозорщики записали: «Да они ж пашут сопча пустотные земли пять вытей». Аналогичные по смыслу пометы обнаружены во фрагментах, относящихся к еще семи поселениям той же волости, в частности к деревням Старая Зеленцова («да они ж пашут сопча все полторы выти») и Меледина («да они ж пашут сопча пустовытныи земли 2 выти»). Любопытен казус деревни Рогозинина, где подобная формула («да они же пашут сопча выть без чети») соседствует с упоминанием о «смете» («пашни по смете пахано пол 3 выти»). Всего в Матюшевской волости насчитывается двенадцать с четвертью вытей, которые крестьяне и бортники «пашут сопча». Как отмечено в дозорных книгах, в селе Лекеево «пашут сопча пустотные земли 2 выти», в тянувших к нему деревнях Старое Лекеево и Безводная — еще две выти. В обоих дворцовых комплексах примерно половина поселений имела такую пашню, от $\frac{1}{2}$ до 5 вытей¹¹.

Е. И. Кольчева в свое время обнаружила сходную запись в приправочном списке с хронологически близкого дозора 1588/1589 г. дворцовых же волостей Каширского уезда: «Дер. Щоткина на речке на Вошанке, а в ней крестьян. Да они же пашут сопча всею деревнею две выти с третью»¹². По ее мнению, переписчик в XVII в. «случайно перенес в приправочный список сведения о существовании здесь общего поля размером в 2,5 выти, которые пашут “всею деревнею”». «Официальное выделение общего поля, — считала историк, — стало необходимо лишь при подворно-вытном описании. Ранее, когда земля и число вытей записывалось за селением в целом, подобная дифференциация была не нужна». Она предположила, что «в 1588 г. в каширских волостях также каждое крестьянское хозяйство было описано долями вытей» [Кольчева, с. 59].

Однако из текста каширского описания существование у деревни некоего «общего поля» безоговорочно отнюдь не вытекает, это лишь исследовательская гипотеза. Обращение к аналогичным записям дозорных книг Василия Борисова 1587/1588 г. показывает, что возможна и иная интерпретация¹³. В данном контексте представляют интерес уточняющие характеристики этих земель в нижегородском источнике — «пустотные¹⁴ земли» (село Лекеево, деревня Панина) или «пустовытныи земли» (деревня Меледина). Очевидно, речь идет о землях, которые не выглядят как «перелог», но в силу каких-то обстоятельств не имеют «законного пользователя» (как выморочные, вследствие сдачи части тягла «в мир», в результате крестьянского перехода или по какой-то еще причине). Иными словами, выражение «пашут сопча всею деревнею», по-видимому, отражает ситуацию, когда на момент дозора отнести эту еще недавно тяглую землю к пашне того или иного «живущего» двора не представлялось возможным.

Можно думать, что информация о пашне «сопча» была доведена до дозорщиков одновременно с подачей сведений о дворцовом тягле, то есть была частью мирской «скаска». В большинстве случаев (за исключением двух деревень) итоговые цифры писцов равны сумме тягла из подворной росписи и количества вытей, которые «пашут сопча». В деревне Рогозинина, вероятно, по итогам упомянутой в описании «сметы» обнаружилось уменьшение «пашни паханой» на $\frac{1}{2}$ выти, скорее всего, за счет сокращения числа тяглецов («впусе 2 места дворовых»). В деревне Вяжиной Клин, наоборот, писцами выявлено дополнительно $\frac{3}{8}$ выти.

Включение дозорщиками пашни «сопча» в итоги конкретного поселения не позволяет считать ее коллективной запашкой для уплаты волостью государственных налогов или ренты. О том же свидетельствует и тот факт, что в заключающих описание территориально-хозяйственного комплекса записях, где тяглая и льготная «пашня паханая» учитывалась отдельно, эти выти были разнесены по соответствующим категориям. Иными словами, у поселения, имевшего «льготу», она распространялась и на пашню «сопча», как, например, в селе Лекеево. Последнее представляет собой тот редкий случай, когда на момент дозора «дворы у тех льготчиков поставлены и пашня роспахона» и писцами зафиксированы результаты тяглого обложения, в котором уже учтена реальная тяглоспособность дворохозяйств¹⁵. Как правило же, книги 1587/1588 г. сообщают об одинаковом тягле у всех или подавляющего большинства хозяйств «на льготе», как в селах Григорово и Вельдеманово или в деревне «Шершево, а Гридино тож» (соответственно 24, 18 и 15 дворов на тягле «четы» или «четверть» выти). Можно думать, что это «типичное» для данной местности тягло новопорядчика и сведения дозорных книг восходят к данным льготным грамотам или соответствующим книгам дворцового приказчика¹⁶.

В дозорных книгах 1587/1588 г. есть поселения, в описании которых отсутствуют сведения о тягле того или иного двора. Отличия формуляра проиллюстрируем записью об одной из деревень «Лукинской сохи»: «Да за Окою за рекою посопная ж деревня Нагулина, а в ней бортники: (в) Иванко Отокар, (в) Тренька Кожин, (в) Иванко Васильев, (в) Левка Олексеев, (в) Митька Ондреев. Пашни паханые дватцать четвертей да перелогу двенатцать четвертей в поле, а в дву потому ж. Земля худа. И всего в той в деревне в живущем 5 дворов крестьянских,

¹¹ Там же. Л. 31, 32 об., 33, 42 об., 43, 44, 44 об., 45 об., 46, 47, 48.

¹² Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост. Е. И. Кольчева, Н. П. Воскобойникова; отв. ред. Н. А. Горская. М., 1997. С. 170.

¹³ В протографе каширской приправочной книги данная формула располагалась, как и в нижегородских дозорных книгах, после подворного описания. Фрагменты последнего, в частности идеограммы «в» («во дворе»), сохранились в ряде записей по явному недосмотру.

¹⁴ 'Незаселенный', 'брошенный', 'находящийся на участке, не имеющем законного пользователя' (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 21. С. 56).

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7514. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 15–16, 19–19 об.

а людей в них то ж. А вытми пашни пахоные худые земли за доброю землю с наддачею выть с четвертью да перелогом пашни выть без четверти»¹⁷. В описании поселений «толоконцевских бортников» в Заволжье и всех «мордовских сел» пашня в четвертях также указана на деревню, а не подворно. Пересчет в выти осуществлен лишь для Толоконцевской волости в целом («А вытми пять вытей, а положено тое худые земли на выть по 16 чети»¹⁸). В дозоре же «мордовских» земель лексема «выть» вообще не встречается. Все это представляется маловероятным, если бы дозорщикам наказом вменялось проведение описания, которое в историографии принято называть «подворно-вытным».

Таким образом, сформулированный в предисловии к публикации дозорных книг В. Ф. Борисова и подьячего Третьяка Аврамова 1587/1588 г. тезис о том, что ими «при описании отдельных крестьянских дворов учитывались размеры облагаемой земли в вытях» [Анпилогов, с. 6], является ошибочным. Распределение «пашни паханой» по тяглым дворам, даже ими же вновь выявленной, в компетенцию писцов — в отличие, например, от дозоров дворцовых земель второго десятилетия XVII в. — не входило, оставаясь прерогативой крестьянского мира. Следовательно, говорить о подворно-вытном характере данного описания нет оснований. По-видимому, это справедливо и для дозора дворцовых волостей Каширского уезда 1588/1589 г.

Литература

- Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). М., 1977.
Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. М., 1980.
Кольчева Е. И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987.

Natalia V. Sokolova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ON THE NATURE OF CENSI IN THE 1580s: SOURCES AND METHODS OF SCRIBES

The article is dedicated to the sources of the Nizhny Novgorod Uezd census books by V. F. Borisov and podyachy Tretyak Avramov (1587/1588) and to the methods of the scribes' activities. The analysis showed that the "old books" in the text were the extracts from Peter Burunov's cartulary ("pripravochnye") books (1577/1578). Another source of description was peasants' skaski. The peculiarities of their use by scribes predetermined the presence of various chronological strata of information in the text, both retrospective and related to the second half of the 1580s. The study shows that there is no reason to speak of the by-household nature of this description.

Keywords: census books, "skaski", "arable land", lot, peasants, Nizhny Novgorod Uezd.

¹⁷ Там же. Л. 27 об.—28.

¹⁸ Там же. Л. 82—82 об.

УДК 94 ББК 63.3(2)45 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0027

П. С. Стефанович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», ИРИ РАН, Москва, Россия. petr.stefanovich@mail.ru

ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ ОЛЕГОМ И ХРОНОГРАФ ПАХОМИЯ

В статье обращается внимание на особую редакцию текста, известного в науке после публикации М. А. Салминой 1964 г. как «Предание об основании Москвы Олегом». Эта редакция содержится в так называемом «Хронографе Пахомия», составленном в 1649–1650 г. Считая эту редакцию первичной, автор заключает, что сам текст (легендарный по содержанию) отражал новые тенденции историографии XVII в., озабоченной поисками самобытных древних корней русского народа.

Ключевые слова: история, Россия, Москва, летописи, хронографы

В статье пойдет речь об одном эпизоде историографии, посвященной истории Москвы. Уважаемому юбиляру близка «московская» тема (см., например: [Горский]), хотя его интересы лежат скорее в области Средневековья, а в данном случае эта тема раскрывается в контексте истории общественной мысли России середины XVII в.

Как известно, в середине — второй половине XVII в. в русской литературе появились и быстро получили широкое распространение оригинальные произведения о древнейшей истории города Москвы. Центральным их сюжетом было «зачало», то есть основание, города, и главными героями были князья Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII в., деятельность которых была так или иначе связана с ним, — Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Даниил, родоначальник московской ветви Рюриковичей. Всего известно три таких произведения. В 1960-е годы М. А. Салмина осуществила их исследование и публикацию (образцовые для своего времени)¹.

Древнейшим является, видимо, сочинение, специально посвященное возникновению столицы Русского государства, — «О зачале царствующаго великаго града Москвы, како исперва зачася», или, как оно кратко

¹ Повести о начале Москвы / Исследование и подг. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964.

